Ж Список жителей Латвии в возрасте до 16 лет, депортированных 14 июня 1941 года

Жагаре Гуна Яновна	1932
Жагаре Текла Яновна	1936
Жагаре Вия Яновна	**1929**
Жагарс Атис Янович	1939
Жагарс Юрис Янович	**1933**
Жеберс Гунтис Оскарович	1937
Жерс Андрейс Артурович	1929
Жерс Фрицис Арнолдович	1932
Жиглевицс Фридрихс Эгонс Эгонович, род. в ссылке	09.12.41
Жилинскис Паулс Юлийс Александрович	1938
Жуковс Элмарс Янович	1925
Жуниньш Илмарс Владимирович	**1929**
Жуниньш Оярс Владимирович	1931

ВИЯ ЖАГАРЕ

родилась в 1929 году

Начну свой рассказ с 1940 года. Не скажу, что родители в нашем присутствии обсуждали происходившую трагедию, но и не особенно скрывали. И у нас с сестрой Гуной буквально начался стресс, мы были старше, младшие этого не понимали. Боялись за папу, так как он был командиром айзсаргов, очень деятельным человеком. Когда зимой мы возвращались из школы, всегда спрашивали, дома ли папа, ощущение было такое, что его должны забрать. То, что возьмут всю семью, и в голову не приходило. В 1941 году к нам в дом поселили новохозяина. Земли у нас было немного – 47 гектаров, и 17 из них отдали новохозяину. И нас, всю эту кучу детей, родителей и бабушку, запихнули в две комнаты в этом большом деревенском доме, а в другом конце, где жили раньше мама, отец и мы с Гуной, поселили новохозяина. Кто-то приходил предупредить отца о том, что будут высылать, но этот человек постучал в окно к новохозяину Пукитису. Ясно, что он за нами следил и передал дальше. Ну, да это так, Бог с ним...

Не знаю, кто папе сказал, что забирают семью, но он так или иначе все равно пришел бы к эшелону...

13 июня ночью мама нас разбудила – дети, одевайтесь, нас увозят! Я и не помню, что собрала. У нас не было ни чемоданов, ничего. У мамы были тканые одеяла, в них вещи и сложили. Знаю, что еще до этого мама с отцом собрали все награды, все серебряные предметы и закопали их в «Жагари». Но когда вернулись, ничего не нашли... Что касается Сибири, я сомневаюсь, были ли у нас с собой серебряные вещи, знаю только, что папа отдал маме свое золотое кольцо. Что еще у нас было – не уверена, что у нас вообще что-то было...

Земля в «Жагари» была плохая. И только благодаря своей предприимчивости родители построили новый хлев, завели образцовое стадо, это и был наш источник дохода. Был племенной бык. И если он срывался с привязи, ловить его приходилось мне, так как мужчин он и близко не подпускал. У него в носу было кольцо, и как-то палкой его можно было подцепить, от меня он не убегал. Все богатство «Жагари» – это племенные коровы и племенной бык. Конечно, отец окончил Приекульскую сельскохозяйственную школу, применял в хозяйстве новейшие методы. Мама окончила школу животноводства, тоже разбиралась, так что мы обходились собственными силами.

В ту ночь, когда нас увозили, я спросила у мамы – нас что, всех расстреляют? «Не знаю», – вот что ответила мама. Тогда-то у меня и появилось чувство ответственности, в 12 лет. Помню, что в дороге сестра Гуна заболела... Как братик дорогу выдержал, не знаю. Счастье, что Бог нас не оставлял...

За несколько дней до этого с молочного завода привезли большой кусок масла, килограммов 10. Мы отвозили молоко в обмен на масло. Хлеб тоже был. И в вагоне у нас с собой были масло и хлеб. Латыши, вероятно, народ особенный. Мы ехали и пели народные песни. На границе узнали, что началась война... Появилась надежда, что мы вернемся. И только она, эта надежда, давала нам силы все вынести. Латыши собирались, гадали на картах, вертели блюдечко, искали доказательства, что скоро окажемся дома. И эта надежда не оставляла нас с самых первых часов пути. Не помню, кормила ли мама братика в вагоне грудью. Знаю только, что он был в вагоне. Я больше волновалась за Гуну, у которой началось воспаление легких.

Ехали долго. Помню, мы потом подсчитали, что до Ачинска ехали це-

Братишка Атис умер летом... Мама... рук не опустила, надо было жить дальше, на ее шее было еще четверо и бабушка.

Мать Милда с внуками Андрейсом и Юрисом. Цесис, Латвия, 1962 год

лый месяц. А это поле, о котором рассказывал Юрис, было опоясано колючей проволокой... Никто из нас бежать не собирался, да и куда там убежишь!

Мы, конечно, с точки зрения гонителей, были семья невыгодная. Пятеро детей, так что нас из Ачинска на барже привезли в Бирилюссы, где сразу же разобрали семьи с одним или двумя детьми, и мы остались последними. Погода была хорошая, июль, тепло... Помнится смешной эпизод – на этой барже везли грибы, и бочка с солеными грибами упала и раскололась. Тогда взяли новую бочку, покидали в нее разлетевшиеся во все стороны грибы. Для нас это был шок! «Ай, люди не свиньи, все съедят!» – это мне запомнилось. Там все было просто...

В деревне Алексеевка пробыли недолго. Хочу пожелать этим русским и их детям благополучия... Почему они приняли нас? Местная Аниковна видела, что мама в отчаянии, что деваться нам некуда. Она сказала – будет легче, Вовка мой не один будет. Она работала в бане, кажется, мыла полы. Русские женщины все остались одни – мужей на фронт забрали, всем им приходилось работать. И пожалела она нашу большую семью. Там мы тоже пели, особенно Дорите, Вовка тоже пел с нами наши песни, на чистом латышском языке. Благодарны мы и другой семье, которая брала с собой в лес сестру. Это тоже была большая семья – трое или четверо детей. У них была лодка, правда, дырявая, но это пустяки – черпай только да выливай воду. Они брали нас с собой за клюквой. В Сибири на болото не пойдешь, если не знаешь, куда идти, недолго и заблудиться...

Когда мама работала в «Заготзерне», на ногах у нее были черки – что-то наподобие кожаных тапок, их обшивали тканью, в которой носили зерно. И мы на железке – на железной плитке – подсушивали его, было замечательно. Кто-то из наших дам обнаглел настолько, что стал продавать зерно деревенским. Дошло до начальства. Нейланде арестовали, и дети остались одни. Не знаю, почему их не отправили в детский дом – или невозможно было, или потому что была зима... И дети ходили с котомкой. Но они, кажется, выжили, вернулись в Латвию, а госпожу Нейланде отправили на Север. Мама, безусловно, не торговала ворованным. Охрана обыскивала всех, кто покидал территорию, ощупывала, но маму не обыскивали, и поэтому мы выжили.

Братишка Атис умер летом... Я могилу не рыла. Мама отнесла его в ящичке, который кто-то сколотил. В Алексеевке кладбище было посреди березовой рощи, в лесу. Там его и похоронили, больше мы туда не ходили...

Мама была человек здравый, рук не опустила, надо было жить дальше, на ее шее было еще четверо и бабушка. Когда кто-то умирал, так это и было ... Остальные должны были жить. Когда братик стал совсем плох, русские приходили «посмотреть». Не знаю, почему их это интересовало, но их никто не прогонял. И они говорили – прибрал бы Господь, и так у нее четыре рта... А я думала – ужасно, как они могут так говорить! А фактически рассуждали они здраво, только, вероятно, говорить об этом не следовало...

Я сразу же, как только нас привезли в деревню, поняла, что на мне лежит самая большая ответственность. Мама в деревню ходила осенью, когда еще не выпал снег. Русские женщины говорили, чтобы взяла что-то из одежды и походила по татарским селам – обменять на продукты. Но мне было страшно отпускать маму, боялась, что с ней может что-нибудь случиться, поэтому ходила я. Мешок на спине. Когда стали жить в Бирилюссах, женщины маме советовали, чтобы отправила меня нянчить детей в семью, где не было мужчин, где двое детей и женщины работали. От одной я была просто в шоке – от жены ветеринара. Я стала присматривать за ее мальчиком. Приготовит поесть, оставит. В углу у нее лежала груда шерсти, уже мытой. И стала приходить ее подруга и шерсть эту брать, зайдет – возьмет, зайдет – возьмет. Воровала! И меня она обвинила. Люди, конечно, стали меня защищать – да зачем ей, да куда она ее денет! Мне было 12 лет, прясть я не умела... Но я обиделась и

ушла от них. Потом была в другой семье, недалеко от дома. Помню, что стирали они на специальной доске, потом полоскали в речке. А на реке лед, шуга. И мне надо идти полоскать. Руки сначала мерзли, потом привыкли. Но у них я была недолго. Потом мне надо было доить корову. А что стоит подоить одну русскую корову, которая дает в день два литра молока!

Была зима, надо было доставать дрова. Река Чулым каждый год разливалась, льдом выворачивало прибрежные ивы, они высыхали. Так что дрова были сухие. Вязать я научилась еще в Латвии, когда была во 2-м, в 3-м классе, прясть шерсть научили в Сибири русские. Правда, дело продвигалось медленно, но если малыши шерсть хорошо растреплют, то и я управлялась.

В школу я пошла только в Латвии, в 1946 году. В Сибири в школу ходили младшие. Старательные были, особенно Гуна и Дорите. Юрис фактически не учился, смастерил деревянные коньки, приматывал паклей и носился по деревне, в друзьях у него была вся деревня, как из школы – так на коньки! Но и в учебе не отставал, голова у него была хорошая! Как у профессора!

Мама вечно говорила о Латвии... Всякие гадалки, что отец, мол, жив... Знаете, мама мыслила реально. Отец был человек порывистый, быстрого нрава, и когда строил «Жагари», сломал ногу. Докторов хороших тогда не было, и одна нога у него была короче другой на семь сантиметров. В лесу работать не мог. Мама это понимала. Он был сапожник, часовщик, столяр, чего он только не умел... В деревне все уметь надо! И мама понимала, что другие пойдут в лес, а он в лагере работать не сможет... Нам о смерти отца прислали несколько справок... Тут соврут, там соврут, зато все концы в воду...

С русскими отношения у нас были хорошие. Мама умела печь торты, готовить. Даже директор «Заготзерна», когда устраивал «гулянки», приглашал маму готовить. Юрис на улице тоже не дрался, все русские были его друзьями. Мы, вероятно, умели себя так вести, что фашистами нас не обзывали. Районное село было большое, сколько людей там было, этого не знаю. Только по улице Советской, – если река не сильно разливалась, – можно было ходить по тротуарам, а вокруг огромное озеро...

1946 год – с одной стороны, хотелось домой, а с другой – жалко было маму оставлять... Здоровье на тяжелых работах она подорвала, но мама сумела нас переубедить.

Первое, что запомнилось, когда приехали в Латвию, – здесь тоже хлеб был «кирпичик», но вкус у него был совсем другой. В детском доме с черным хлебом дали и кисель. Каким же вкусным он мне показался!

Тетя Паулина заложила в нас все основы. Маме было некогда, и жизнь ее замучила, да разве в Сибири можно было приучить к порядку... Чисто у нас, конечно, было, полы драили, но к настоящему порядку приучила нас тетя Паулина. Мне в 1946 году было уже 17 лет, к тому времени я уже и пароходы грузила... И в хозяйстве работала за мужчину. Мы уже немного пришли в себя, на тетушкиных-то хлебах. Помню, повела быка к соседям, накинула полупальтецо, ремнем подпоясалась. Тетя говорит – как ты оделась! Так только навоз грузить, а не к соседям являться! Так вот, я словно в лесу жила, пням молилась.

Нас тотчас отправили в школу. До войны я окончила четыре класса, пошла в 6-й. Жили в «Либерты» как в сказке. Мозги у нас были, видно, неплохие, особенно у меня и у Юриса. Юрис пас коров, занимался спортом. Семилетку окончила на одни пятерки, так что экзамены сдавать не пришлось, когда поступала в Учительский институт.

Такой вот случай помнится. Летом это было или ранней осенью, точно не помню. Шла я пешком из «Либерты» в «Жагари». Что мне, сибирской девчонке, какие-то 10 километров! И решила пройти по тем местам, где мы раньше пасли коров. И тут я упала на землю и так горько заплакала... все было запущено, все заросло... Прошло всего пять лет, а как все изменилось, стало чужим... Когда потом вернулась, ни над чем больше не плакала.

В советское время наш дом, «Жагари», был полнехонек пришлыми, доярки там жили, словом, самые разные люди...

1949 год. Кто был посообразительнее, кто чувствовал, что снова нависла угроза, тот подготовился. Я училась в Цесисе, в институте и только на воскресенье приходила в «Либерты». Тетушка Паулина уже все приготовила, сложила в мешки, даже муку положила. Те, кто высылал, тоже вели себя наполовину по-человечески, грузили все в машину. Люди, которых заставили вывозить «кулаков», тоже понимали, что совершают грех, а что им было делать...

В 1949 году моих уже взяли, но я об этом не знала, меня вызвали из класса, и все. Плакать я не плакала. Но когда меня привели к чекистам, я на них налетела – за что? И тогда мне в лицо стали совать фотографии, где я вместе с мамой в форме айзсарга... Ну какой она была айзсарг, если пятеро детей дома? На ней было платье айзсарга. «У вас даже мать была айзсаргом! А

отец командир айзсаргов, а вы еще тут рот раскрываете!» Я сказала – один раз мне уже запретили учиться… А они – кто вам запрещает, там тоже можно учиться, возьмите с собой книги! Но такая меня злость разобрала, ни слезинки не проронила! Приехала в ту деревню, в первый вечер собрались русские девочки, по вечерам гармошка у них играла, танцевали, а я не могла ни смеяться, ни плакать, сидела как мумия. Они меня очень жалели. Но постепенно это прошло.

Летом сенокос, мама на быках ездила. Мне идти не надо было. Начали убирать зерновые, я завязывала мешки и кидала их в машину.

Когда случалась беда, мы все были друг за друга. Но чтобы сами… Дорите жалуется, что в 1946 году чувствовала себя такой одинокой… Ей было 10 лет. У тети Паулины детей не было, она очень о нас заботилась, всему учила, чистоте и порядку, чтобы все умели, но чтобы целовать-миловать… В семье Жагарсов вообще не приняты были нежности. Я была уже взрослая, и сейчас немного жалею, я, вероятно, должна была Дорите приласкать, но мне это и в голову не приходило. Маме мы писали письма, но чтобы писать – мамочка, мы тебя так любим, это было не принято. Так что и сейчас мальчики мои позвонят, спросят, как дела…

Любовь у меня была одна, но кончилась она трагически. Они тоже были ссыльные, русские из Подмосковья. Вниз по Чулыму было такое село Полевое Боковое. Их привезли и выкинули в тайгу. С собой у них был инструмент, и мужчин не забрали. Выслали их в мирное время. Отец моего любимого был учителем. Преподавал и в Бирилюссах. Дружили мы года три, но отец сказал – «сколько волка ни корми, все равно в лес смотрит». Все равно она уедет. Он мне сказал – я, как русский человек, в Латвию не поеду. Они там уже прижились, новый дом построили, сестра учительница… Ходили на вечеринки, танцевали в валенках. Это был уже 1949 год, в заплатках и мы уже не ходили. Тетя нас одеждой снабдила. Платья были, и мы отличались от местных девушек, вкусы были другие.

Я вышла замуж, когда мы приехали в Черногорск, это Абаканский район, в 19 километрах от Абакана. Приехал туда и брат Юрис. Когда в 1949 году мы приехали в Бирилюссы, я уже год отучилась в институте, у меня был четкий почерк, взяли меня помощником счетовода в бухгалтерию. Ох, и трудно там было, только тот, у кого голова была хорошая, мог там работать бухгалтером. И меня взяли в «Заготзерно». Я расчеты освоила быстро.

Семью завела, когда в Черногорске, в больнице, работала бухгалтером. Санитаркой там работала сестра моего мужа. Особой приветливостью она не отличалась, почему я ей понравилась, не знаю. Она была старше. Брат ее вернулся из армии, работал шофером на скорой помощи. Так возник контакт. Мне было 27 лет, думала, что в Латвию все равно больше не попасть, Юрис и Дорите поехали и увидели, что в Латвии ни у кого нет никаких шансов. Вот и стала думать – вся жизнь исковеркана… а как жить без детей… Муж из трудолюбивой семьи, из сосланных украинцев. Свекровь сказала – что ты так хлопочешь, нас семь раз высылали! Устроились в Артемовске, на Саянах, и снова на другое место сослали. Свекра расстреляли еще в 1937 году, нигде и ни в чем не участвовал. Свекровь, между прочим, даже расписываться не умела. Я знала, что семья у них работящая, а для латыша что главное – чтобы не был лентяй! Он работал шофером, потом курсы окончил, высшую категорию дали, зарплату повысили. Мы даже дом там построили! И огород был, чего только не насадили! А потом все они вдруг стали разъезжаться, было их у матери 10 детей. Никто в Сибири оставаться не хотел. Только его сестра Катька да мать. Муж мой, меня не спросив, дом наш продал! А мне в декрет идти! А он так вот решил. Я была в отчаянии, знала, что в Латвии жить негде, мама с сестрой на шее у двоюродной сестры сидели. Повезло, что подружка двоюродной сестры была хозяйкина дочка, уговорила прописать мужа, и он устроился на работу.

Старший сын Андрей родился в Черногорске, в 1958 году, ему было два года, когда мы приехали в Латвию. Здесь уже родился Юрис.

Муж был человек предприимчивый, а жена двоюродного брата Вариса Петерсонса работала секретарем в волости. За оврагом возле «Жагары» был заброшенный хутор «Каусини», но дом сохранился хорошо. Муж и Варис организовали толоку, собрали своих друзей, разобрали этот дом, привезли бревна и построили временный дом. Шесть месяцев жили друг у друга на голове, но благодаря его энергии, оказались под крышей.

Слишком хорошо ему жилось, и начал он пить. Не знаю даже, уехал ли он обратно в Россию… Развелась я, в дом не пустила. Как лето, так бродит вокруг дома, я это чувствовала… Он давно уже умер, приезжал его друг, рассказал.

Я думаю, что жизнь прожила счастливо. У многих, кто и не был выслан, вся жизнь наперекосяк. Дети мои – не скажу, что идеальные, но какую-то пользу обществу приносят, и это как бы вознаграждение за мою жизнь. Есть семьи, где мужья идеальные, а все не так…

Отец Янис и мать Милда

ЮРИС ЖАГАРС

родился в 1934 году

Я, Юрис Жагарс, родился в «Кална Жагари» Приекульской волости Цесисского края. Семья наша была большая – пятеро детей, дедушка, бабушка, жили все вместе. Хозяйничал отец – Янис Жагарс. Это было крестьянское хозяйство – коровы, лошади, сельскохозяйственная техника, которую сами и обслуживали. Дедушка и бабушка были уже в солидном возрасте, обоим было около 85 лет. Дед передал все хозяйство отцу. Помню, дедушка иногда выводил лошадей на пастбище, и однажды я уцепился и повис на ноге коня. Вот и все, что я помню о жизни в «Жагари». Было мне тогда семь лет...

В 1941 году, когда нас выслали, отец приобрел мотоцикл. Отец по характеру был человек азартный, увлекающийся, пытался всюду успеть, его даже быстроходные скакуны не устраивали. И он продал одну или двух лошадей, чтобы купить мотоцикл и быстро добраться до Цесиса... 13 июня вечером пришел кто-то из соседей и сказал – Янис, уходи в лес, за тобой или сейчас, или ночью придут. На что отец скептически ответил: «Что ты тут слухи распускаешь? Сейчас пойду в волость, все выясню, не может этого быть, я никому зла не причинил, за что меня брать?». Что произошло дальше, мы не знаем. Помнится почему-то, что отец появился на станции в Цесисе, когда мы уже сидели вагоне. Подошел, разговаривал с мамой... Простился ли он с нами, не помню. У мамы был узел с детскими вещичками, в спешке она отдала его отцу, мужские вещи остались у нас...

Дедушку тоже увели... о нем ничего не знаю... об отце сведения такие – умер в Вятлаге в 1945 или в 1946 году от кровоизлияния в мозг. Конечно, хорошо было бы узнать все более подробно – где погиб, где похоронен...

Зимой ездили в лес за дровами. Лошадей не было. У русских тоже не было. Они в лес ездили на коровах.

О поездке помню только, что в вагоне были нары в два этажа из светлых досок, изредка мама разрешала нам смотреть в окошко, через решетку. Средняя сестра Гуна Гриета разболелась, какие-то лекарства мама достала у конвоиров или у нее с собой они были, но сестра поправилась... Помню непривычный аромат хлеба, вернее, запах... Мы привыкли к ржаному хлебу, но у того, что нам давали в России, был и вкус специфический, и запах. Еще перед глазами залитый солнцем цветущий луг, горячее солнце. Это было в Ачинске, где нас выгрузили из вагонов. Провели там целый день, до самого вечера, но этот цветущий луг я и сегодня помню... Вечером отвели на баржу. Это просто большая лодка, которую тянет буксир, никаких кают... И ночью по Чулыму отвезли нас за 150 километров в Бирилюссы. Высадили на берег, возле большой площади. Потом отвели в бывшую церковь, которую превратили в клуб. В тот же день распределили всех по колхозам. Мы оказались в повозке, которая ехала в село Алексеевка, в 45 километрах от села Бирилюссы. Поселили в пустом доме, в абсолютно пустом, ничего там не было. Не знаю, отчего я проснулся, когда умер братишка, ему было всего год... Пустая комната, мама сидела на лавке рядом с братом...

Еще помню, что все это построено было недавно, вокруг еловые пни, под метр в диаметре. Маму отправили пилить березовые баклажки на кругляши, потом их кололи, сушили. И я приходил к маме на опушку леса и тоже пилил... В то время такими чурочками топили газовые генераторы тракторов, машин. Бензина, дизельного топлива, считай, не было. Вот и все, что сохранила моя память о жизни в том селе.

Семья Жагарсов за два года до депортации

Отец

Там мы и дождались зимы. Местные как-то выживали за счет огородов, скотины. У нас же ничего не было. Колхоз в виде аванса выдавал муку, мама варила из нее кашу или суп. И мама решила переселиться в Бирилюссы. Для этого требовалось разрешение коменданта и, конечно, нужно было найти там работу. Там были большие склады, сараи. Свозили зерновые, зимой и летом загружали суда. Зимой рабочие веяли зерно, там была самая большая норма хлеба, мама получала 600 граммов, на нас – по 300 граммов. Жилье снимали у неких Аничкиных. Дом – одна комната, ни кухни, ничего, русская печь и железная печурка. В большой печи готовили, на печи спала хозяйка со своим сыном Вовкой. Бабушка спала на кровати, мы на досках, уложенных на чурбаки... Мама была прекрасным организатором, ходила, пока не получала то, что ей надо было. У Аничкиных прожили всю зиму. Там выучил первые русские слова – «Айда сюда!».

Подписались мы все, за нарушение режима – 25 лет каторги. Когда надо было куда-то пойти, за пределы села, мама всегда получала разрешение. Чтобы оттуда уехать, мама отдала начальнику села сервиз из серебряных рюмочек. Он дал лошадь, и мы уехали.

О бабушке помню, как на нее напали вши. Когда она совсем ослабела, просила меня, чтобы я искал их, и за это отдавала мне свой хлеб... Мне кажется, она умерла той же зимой, в холодный зимний день... Мама достала гроб – ящик, отвезла бабушку на кладбище, похоронила. Еще и сейчас помню, что располагалось оно вдоль дороги, там, где через Бирилюссы идет дорога на Ачинск...

Были там такие Вейнбергсы, мамины хорошие знакомые. Сама Вейнберга, мама Карлиса и Яниса, работала бухгалтером на скотоприемном пункте «Заготскот». Вейнбергсы были богатые, до 1940 года им принадлежало несколько домов в Цесисе и даже в Риге. Им выделили домик, похожий на баньку, кажется, там было даже окошко. Она была очень больна, обнаружили у нее туберкулез легких, и она попросила маму печь ей хлеб. С собой у нее были и драгоценности. И они пригодились. Она покупала у местных пшеничную муку, и мама пекла круглые хлебцы, караши, а я относил или к ней домой, или на работу... Когда она совсем уже стала терять силы, попросила маму, чтобы та забрала ее детей.

В то время всех, у кого не было маленьких детей, отправляли на север, кажется, строился Норильск. Нас взять не могли, детям Вейнберги тоже не было еще 16 лет. Так они и остались. Когда умерла Вейнберга, Карлис и Янис пришли в нашу семью, и все мы перешли жить в их баньку. Потом сговорились жить у Хавроньи Алексеевны, сибирячки, была она маленького роста, монгольского рода, быстрая и доброжелательная. У нее был большой дом, большой двор, была и банька. Была и овчарня. И мама уговорила ее, чтобы она пустила нас в эту овчарню. Пришлось убрать весь помет, пол был желтый, «ароматный», окошко маленькое, ни плиты не было, ничего. Плиту мама достала в Бирилюссах. Там уже появились эстонцы, литовцы, такой эстонец Холмов, не знаю, почему у него была русская фамилия. Оказалось, он печник. Мама уговорила его сложить в овчарне плиту. Так и жили – нас четверо, двое сыновей Вейнберги и мама, седьмая. Ели мороженую картошку, ее можно было достать задешево или даже даром. Приносили домой, заливали водой, размораживали. Сваренная, она становилась сладкой, но есть можно было. Мама и супы варила, варила брюкву, она была самая дешевая. Мама на обед приходила домой, работала она недалеко, и мы всегда бежали ей навстречу – если мама идет, значит, будет 100 граммов хлеба.

Откуда появлялась косточка и все прочее? За это самое сердечное спасибо Вие. Она, как и мама, была нашей спасительницей. Она вязала платки русским женщинам, особенно молодым, два метра

на два, большие... Процедура была непростая. Женщины привозили мешок с шерстью и – все! Сами мы должны были ее разобрать, вымыть. Садились за работу все, пальцы становились масляными от овечьего жира. И прясть научились. Тянуть надо так, чтобы нитка получалась ровной. Потом надо было скрутить две нитки в одну. Нитки должны были быть тонкими, чтобы платок получался красивым. Следующая проблема – выстирать, чтобы шаль стала белой. Мама готовила жидкость из золы. А сушить негде, особенно зимой. Из длинных палок сбивали раму, к ней платок прибивали так, чтобы он вытянулся и высох. В заранее обговоренный срок заказчица приезжала, и уже известно было, что она привезет, – или мясо, или мороженое молоко. Зимой все молоко замораживали в мисках, сверху было жирное. И так все годы войны.

Все ходили в школу, а сестре Вие приходилось работать – школу она окончила еще в Латвии. Обуви не было, так что в школу неслись бегом. Русские ходили в валенках, а у нас не было. Мы носили кожаные тапки и стельки из соломы... там я успел окончить четыре класса.

Зимой ездили в лес за дровами. Лошадей не было. У русских тоже не было. Они в лес ездили на коровах. Для них существовал специальный хомут. Лошадей всех забрали на войну. Надо было еще отыскать сухие дрова. Летом таскали на карачках. И еще – обязательно надо было поймать рыбу, чтобы пожарить. Поздней осенью ходили за несколько километров за клюквой. Болота по берегу Чулыма тянутся до самого Ачинска. И нет им ни конца ни края. Тропки, протоптанные людьми, были как речушки, приходилось брести по косточку в воде. Иной раз вода и до колен доходила. Под ногами зыбко. Зато клюквы было столько... здесь столько не бывает. Собирали обеими руками. На шее висела банка или котелок, за спиной – мешок. И собирал до тех пор, пока не чувствовал, что больше не донести. Зимой это была наша провизия. Набирали до 200 литров. Когда жили у Хавроньи, высыпали клюкву на чердаке, там она замерзала, возьмешь горсточку, оттает и – в рот. Было и такое блюдо – вареная картошка, добавишь чеснок, тертую редьку и клюкву. Никогда не болели.

Дома говорили по-латышски, на улице по-латышски разговаривать было нельзя.

1946 год помню хорошо. Первыми уехали Вейнбергсы. Из Латвии пришло сообщение, что ехать могут дети, которые лишились родителей. Собрали сколько-то денег, были такие машины – полуторки, которые ходили в Ачинск. Дороги плохие, 110 километров машина шла сутки, дорог практически не было. Вероятно, Вия знает больше, что и как... Пункт сбора был в Красноярске, в одном из детских домов, где жили глухонемые дети. Вероятно, на станции какая-то женщина из Латвии встретила нас и проводила до детского дома, иначе мы дороги бы не нашли. Жили в этом детском доме недели две. Потом посадили нас в вагон, полки в три этажа... Вагон переполнен. И взрослые бежали из Сибири, чтобы быть со своими детьми... Надзор со стороны комендатуры был уже не такой строгий. В Москве нам выдали одежду, ношенную, но чистую. Мне достались желтые галифе. Еще запомнилось, что вагон стоял несколько часов, и мы с одним мальчиком набрались смелости и проехали несколько остановок на метро. Еще помню, как все ждали, когда переедем границу Латвии, а там колючая проволока с двух сторон, из окна было видно. И тут поднялся такой крик и плач. Затем во 2-м Рижском детском доме карантин, пробыли там недели две. Мама сообщила уже тетушкам отца, – у отца было четыре сестры и три брата, – чтобы приехали за нами. Они оформили усыновление, и поехали мы в Цесис на поезде. И тут нас поделили – Вия и Дорите остались в «Либерти» у тети Паулины, а меня отдали в «Пиекуны» Петерсонсам, второй папиной сестре, тете Вилине. Мама осталась в Сибири, грустно было без мамы, переписывались.

Приехал, надо было учить латышский язык. Варис Петерсонс, двоюродный брат, отвел меня в школу, что в Вайвской волости. Говорить я умел, но ни одной буквы не знал. И все же 4-й класс окончил успешно. Учителя были хорошие, у меня остались самые лучшие воспоминания... За исключением одной – в 1949 году из Латгалии приехала учительница Авдошко. Когда за мной пришли солдаты, она сказала директору, что меня надо им выдать. Это было в последний день перед каникулами, был урок пения, и видна была дорога внизу, остановилась повозка и из нее вышли два солдата... Все это сохранила память. Сходил в школу, забрал кое-какие книжки, попрощался со всеми, надел пальто... 25 марта 1949 года нас взяли второй раз. Отвезли в волостной дом, в «Какюкрогс», что возле Псковского шоссе, посадили в машину, и поехали мы через Цесис на станцию Лоде. Навстречу нам двигались две машины с такими же, как мы, арестантами. Машины остановились, и в одной из них

оказалась моя сестра Вия. Она в то время училась в Цесисском учительском институте. В машине было полным-полно студентов, их всех оттуда забрали. Отвезли в Амату. Там посадили в поезд...

Эшелон прибыл в Томск, на станцию Черемошники. Это был большой лагерь, который построили пленные немцы. Когда нас туда привезли, немцев уже не было, остались только власовцы – русские солдаты, перешедшие на сторону немцев. Привезли нас туда, в новые бараки, стоявшие на сваях, в болоте, везде деревянные тротуары. Дальше отправить не могли, еще не сошел лед. Планировалось отправить нас дальше на пароходах, Черемошники находились на берегу Томи. Позже нас посадили на баржу, повезли по Оби в сторону Новосибирска. И тут мы оказались на одном судне с Вией. Привезли нас в село Аркадьево, в семи километрах от Кожевниково. Небольшое сельцо, необычное, колхоз. В первый же день отправили на работу. Жили до осени, работы были в основном крестьянские... Начиная с прополки, табачные плантации надо было поливать, на быках воду возить. А потом пришло разрешение уехать к маме в Бирилюссы.

Мама из грузчиков переквалифицировалась в уборщицы. Когда мы уезжали, она заболела очень неприятной болезнью – туляремией. Огромные нарывы, с температурой и болями. Мама попала в больницу, ее прооперировали, после чего она не могла уже выполнять тяжелую физическую работу, надорвалась. И работала там же уборщицей, зарплата была 200 рублей, а это было почти что ничто. Но все-таки эти годы она вытянула, с ней была и Грета. Когда мы приехали, все началось сначала. Грета с нами не поехала, осталась там, окончила среднюю школу, с трудом добралась до Красноярска, поступила в институт, получила специальность инженера лесозаготовок. Когда мы уезжали, Грета не захотела оставлять маму одну, решила, что кто-то из детей должен быть рядом.

В 1957 году начали освобождать. Сначала поехали на разведку. В гости к родне приехать можно, а жить негде. Мама дала нам задание – побывать у всех родственников, посмотреть, что и как. Грета вышла замуж за еврея из Латвии. Моисеи, родители мужа, тоже вернулись в Латвию. Отец прошел через лагерь, но остался жив. Они уехали в Вентспилс, двоюродный брат отца приютил их. Нас никто не ждал, никаких возможностей у нас не было...

Что мне хочется сказать? Как мне хочется плюнуть в сторону тех чекистов, которые не пускали нас учиться! Подумайте, я дважды рвался... Один раз в Норильский горный техникум, послал документы, пришел вызов, что к экзаменам допущен, потом эти документы я должен представить в комендатуру, чтобы дали разрешение. Если есть разрешение, могу ехать. Но они тянули до тех пор, пока время экзаменов не заканчивалось. Но я все равно поехал в Красноярск, пришел в главную комендатуру, это было в 1950 году, мне было неполных 17 лет. Хотел добиться, чтобы мне разрешили остаться в Красноярске, поступить хотя бы в училище, было такое «фабрично-заводское», ФЗУ, обучение длилось шесть месяцев. Меня допустили к телефону, сказали, с кем я могу разговаривать, и по телефону мне сказали, чтобы ноги моей в Красноярске не было, иначе получу то, под чем расписался, – 25 лет каторги... В следующем году я снова послал документы в Черногорское училище, и снова опоздал! Но были среди русских и нормальные люди. Мы вдвоем с еврейским парнем Язепом Хазисом поехали в этот техникум. 1 августа экзамены закончились, а приехали в Черногорск мы 8 августа. В горнодобывающем училище занятия продолжались тоже шесть месяцев. Но и остаться в городе было большим делом! И нас с Язепом взяли на хозяйственные работы, комендатура против этого не возражала, и мы остались. Осенью начали, а в апреле учеба закончилась, и попал я на шахту электрослесарем. В сентябре или в августе приехала мама с Вией и Дорите. В то время уже разрешалось перемещаться по области, но не дальше. И в Черногорске мы пожили 10 лет. Вия устроилась работать в Центральную больницу, бухгалтером. Вначале выхлопотали каморку, потом дали двухкомнатную квартиру... И зажили мы как господа. Я вернулся в Латвию в 1963 году. Была точно такая же проблема – не прописывали, а на работу не брали, пока не прописан. Когда приехала мама, она поселилась в Цесисе, в комнатке на чердаке. Потом приехала Вия со всем своим семейством, стала строить дом.

Сейчас я пенсионер, нянчу внуков, их у меня трое, две внучки и внук, один внук женился, второму пять лет, шустрый парнишка, в футбол играет.

К несчастью, женушка моя заболела и в 2005 году умерла. Как она умерла, я ни дня не оставался в Риге, переехал к сыну в Цесис, здесь большой дом, у меня своя комната. Вечно что-то переделываем, доделываем... Пенсия у меня 300 латов. Сын, невестка и внук – так мы все здесь и живем!

ИЛМАРС ЖУНИНЬШ

родился в 1929 году

Мои родители – отец Владимирс и мама Олга (урожденная Триеце). До войны отец работал правительственным корреспондентом газеты «Яунакас зиняс», сопровождал вместе с другими Улманиса в его поездках по Латвии. Мама время от времени работала машинисткой, секретаршей.

Жили в Риге в небольшой арендованной квартире на улице Бариню, возле Агенскалнского рынка. Достаток у нас был средний, никакой собственностью не владели, жили на зарплату отца и мамы. В 1940 году началась оккупация, отца с работы уволили, мамину контору, где она тогда работала, тоже ликвидировали. Она тогда работала в Камере профессий, это что-то сродни нынешним профсоюзам, она нашла работу то ли в бухгалтерии, то ли в секретариате Латвийского университета. Отец найти подходящую работу не смог и поступил в университет, так как там платили стипендию.

13 июня 1941 был мамин день рождения, и у нас собрались близкие знакомые. Сидели за столом, и вдруг услышали по радио заявление ТАСС, что СССР отзывает лживые утверждения западных стран о том, что у восточных границ немцы сосредоточивают свои войска. Мы с братом вышли погулять и на площади Победы увидели огромное скопление грузовых машин, дома рассказали об этом родителям. Родители рассудили так: раз ТАСС отзывает, ясно, что Германия готовится напасть, и, похоже, новая власть собирается бежать. Никто и не догадывался, для чего предназначались эти машины.

14 июня в три часа ночи прозвенел звонок. Вошли четверо вооруженных мужчин, дали час на сборы. Насколько я слышал, отцу велели подписаться, что нас высылают на 20 лет. Быстро покидали на расстеленные простыни одежду, белье, одеяла и все прочее, сколько можно было унести. Связали два тюка, на улице стояла небольшая грузовая машина, сели и нас отвезли на товарную станцию Торнякалнс, где на нескольких путях уже стояли эшелоны. Подвели нас к вагону, в которых перевозят скот, откатили двери, и мы, вся семья, сели в вагон. Снаружи была суматоха, сквозь зарешеченное окошко мы могли видеть, что происходит. Подъезжали машины, мы видели, как разлучают семьи – мужчин в один вагон, женщин с детьми в другой. Так, мол, будет удобнее – осознанно врали.

Чекисты ходили вдоль вагонов, выкликали отдельные фамилии, а тогда ведь такой лжи еще не существовало – люди и откликались. Отца не вызвали, и, возможно пять процентов отцов уехали со своими семьями. В вагоне были двухэтажные нары, посередине пробита дыра и деревянный ящик – «санитарный узел». В вагоне было 24 человека, в том числе семья Яунземе с двухмесячным младенцем.

Первая остановка была в Огре, там обратились за помощью для младенца. Пока поезд стоял, принесли бутылки с молоком, манную кашу, свечки и алюминиевую кружку, чтобы ребенку можно было что-то сварить. Как стирали пеленки, не представляю, – на весь вагон было только одно ведро воды.

Высадили нас в Канске на лугу, где уже стояли подводы из окрестных колхозов. Мой отец говорил по-русски (во время Первой мировой войны он был в Витебске), и он в первый же вечер договорился о повозках. И вот мы, человек 60 латышей, отправились в колхоз в 50 километрах от Канска, в деревню

Первая ссылка – страшно тяжелое время было. Все семь лет преследовал голод... Иногда казалось, вот-вот наступит конец... моральный...

Илмарс в Сибири. 1948 год

Тарай. Работоспособные сразу же вышли в поле, на сенокос, на уборку хлеба... Село было полупустое. Когда начались колхозы, многих выслали на Север, часть из нас поселили в пустовавших домах, часть у местных жителей. У всех местных жилье состояло из одной комнаты, в которой находилась русская печь и маленькая железная печурка, потому что зимой морозы здесь достигали 40 и 50 градусов. Вечером стелили на пол шубы или фуфайки, и так спали. Дети спали на полатях или на печи. Места не было ни для кроватей, ни для чего.

В начале ноября из Канска приехала машина чека, всех мужчин созвали в сельсовет. Пробыли они там часа два. Мы с братом оставались вдвоем, мама ночевала в бригаде. Отец пришел в сопровождении вооруженной охраны, как будто бы искали оружие. Ничего, конечно, не нашли, и отец, уходя, поцеловал нас. Его отвезли сначала в Канск, потом еще за 200 километров – там находился лагерь, отправляли на лесоразработки, обращались с ними безжалостно. Вначале они хотели показать, как работают латышские мужчины, но силы быстро иссякли, так как в день им выдавали 500 граммов хлеба и жидкий суп, а главное, на работу их возили за 50 километров на открытой железнодорожной платформе. С утра еще ничего, а когда ехали обратно, одежда была мокрая насквозь. Все начали болеть, и наш отец тоже. У него было воспаление легких, казалось, он не выживет. Мы получили от него написанное на бересте письмо на русском языке, но некоторые слова были написаны по-латышски, как будто бы фамилии, чтобы цензоры не поняли: «У нас здесь все очень хорошо, я встретил своих старых знакомых – у нас здесь Bads (голод), Nave (смерть)». Выяснилось, что можно передать посылку, но доставить ее надо было к воротам лагеря. Женщины продали кто что мог, растопили сало, испекли хлеб, насушили сухарей, достали мешочек муки. Собрали посылок на восемь килограммов, и понесли – большую часть пути проделали пешком, и посылки передали. Позже отец писал, что это им очень помогло, сохранило жизнь. Потом отец стал санитаром, выносить все стало чуть легче. Но в начале лета он написал, что его переводят в другое место, когда доберется, напишет, но... больше от него писем мы не получали.

В 1953 году, когда меня взяли второй раз, я встретил одного латыша, который выдержал в лагерях 10 лет и сидел вместе с отцом, он вспомнил, что мой отец умер. Там был эшелон с литовцами, около 3000 человек, и из Канского района человек 200. Весной из 3200 человек в живых осталось около 400. Мы уже поняли, что отец там умер. Во время Атмоды, когда я получил акт о реабилитации отца, выяснилось, что в 1942 году его привезли обратно в Канск и по постановлению «тройки» той же осенью расстреляли – за контрреволюционную агитацию.

В 1947 году мне выдали паспорт и поставили на учет в военкомате. Чтобы получить паспорт, сначала я побывал в комендатуре, получил справку, что меня нет в списках высланных, и с этой справкой и фотографией отправился в паспортный стол. А как я этот паспорт получил? Мы переписывались с Латвией, я знал, где живут бабушка и дедушка. Взял пару буханок хлеба, сел в пригородный поезд и поехал в Красноярск. В пассажирский поезд попасть было невозможно, да и не я один ждал. Там были освободившиеся политические, освободившиеся грабители, преступники, да и просто пассажиры. И вот однажды ночью появилась возможность – товарный вагон, нары в обоих концах, посередине печка. Вагон отправлялся в Москву, и я туда попал, но там можно было только стоять. Я залез под нары. Поехали назавтра. Воры выходили на станциях, возвращались и угощали нас конфетами, а через некоторое время за ними приходили и забирали... До Москвы я добирался 20 суток, а оттуда в Ригу. Отправился бабушке с дедушкой в Лиелвирцаву, в Елгавский район.

Брат там остался, вначале работал в совхозе, потом его призвали в армию, служил на Тихом океане радиотелеграфистом. В то время один стоял

и слушал, не гудит ли что в воздухе, второй телеграфировал во Владивосток, и там уже знали, кто летит. Брат рассказывал, что за четыре года никто не нарушал границы.

Инициатива отъезда исходила от меня, брату до получения паспорта надо было ждать еще три года. Как только он получил паспорт, его призвали в армию. Если бы я поспешно не уехал в Латвию, меня бы тоже призвали.

Муж тети был директором Елгавской вечерней школы, он снабдил меня книгами, я начал учиться, чтобы можно было поступить в какой-нибудь техникум. Изучал алгебру, геометрию, латышский язык. Он написал мне справку, что я учился в школе. Приняли меня в Саулайнский техникум, так как там не хватало учащихся. Я был отличником, окончил за три года. Еще в техникуме я начал работать в колхозе агрономом, и моей работой были довольны. 9 апреля 1953 года к конторе подъехала закрытая машина, вышли восемь человек, вызвали меня на улицу, велели поднять руки, искали оружие. Сказали, что в Латвию я приехал нелегально, должен отправляться обратно. Снова велели собрать вещички. А у меня уже кое-что появилось – шкаф, диван, радио и даже старый «москвич». Все так и осталось. Написал доверенность хозяйке, у которой жил, чтобы продала машину, взял вещички и поехал.

В Рижской Центральной тюрьме встретили меня еще человек 40 со сходной судьбой. Был там и отец известного журналиста Кехриса. Мать его жены была секретарем Елгавского партийного комитета, всех взяли.

По пять-шесть человек отправляли этапом в лагеря, а некоторые прожили там два месяца. Там у меня появилась возможность встретиться с одним человеком, и я написал письмо своей подруге из техникума. Она приехала, нам дали 15 минут, говорили мы, естественно, в присутствии чекистов, я сделал ей предложение, и она обещала приехать.

И так два месяца из тюрьмы в тюрьму. В Ленинград, Вологду, Свердловск, Новосибирск. Не помню, сколько было этапов. В Канске отпустили. Приехал в совхоз, где работала мама, там не хватало агронома. Работал агрономом на отделении. Отделение большое, половина какого-нибудь района в Латвии.

Подруге приехать было не так-то просто, что скажет ее мать на то, что муж осужден на вечное поселение в Сибири?

В 1954 году узнал, что существует возможность заключить на три года договор в угледобывающей промышленности и, освободившись, можно выбрать местожительства без ограничения. Договор заключить тоже было непросто. Туда, где были латыши, меня не взяли, отправили в Магадан. Сунул вербовщику 200 рублей, и взяли сразу же. Назначили меня бригадиром на строительстве шахты. Летом сплавляли лес, зимой лес везли из лагерей, и мы должны были его перегружать.

Когда пришло освобождение, без оглядки отсюда! Ни одного дня лишнего никто не хотел оставаться. Поехал за билетами, но приобрел только стоячие, а следующий поезд через три дня. Но еще три дня оставаться в Сибири – это не для нас! Нашей дочке только-только исполнилось шесть месяцев, крошка, перемена климата, ничего не ела, в дороге могла умереть.

Мама тоже приехала в Кемерово, брат через год женился на русской. Мы приехали весной, они осенью.

Брат уехал к тете, работал в колхозе, построил дом. Сейчас ни его, ни его жены уже нет на свете. Мама тоже работала в колхозе кассиршей.

Самые яркие воспоминания?

Первая ссылка – страшно тяжелое время было. Все семь лет преследовал голод. Иногда казалось, вот-вот наступит конец... моральный. Отец погиб, но тогда в России ни у кого отцов не было, каждый третий – ссыльный, калмыки, чуваши, узбеки, татары, все они были переселены. И это не было чем-то особенным. Страшнее было, когда меня взяли второй раз в 1953 году, когда я уже был готов к семейной жизни, девушка осталась в Латвии.

В 1942 году большинство латышей отправили на Север, тех, кто в состоянии был работать. Остались старики и женщины с маленькими детьми. Моему брату не было еще и десяти, поэтому нас не взяли. Остальных повезли в Красноярск, оттуда на пароходе в устье Енисея, к Ледовитому океану. Там их просто высадили на остров, это было весной, и сказали – устраивайтесь. У эстонцев с собой была пила, топор, и они стали вылавливать бревна, плывущие по реке, собирали топливо, летом принялись строить дом, спали на полу, а по утрам у мамы примерзали волосы к полу. Топили железную печку, а за ночь все остывало. Ловили рыбу, приносили домой. Мой друг поймал рыбу, нес домой, но его тоже поймали и он просидел год в тюрьме за воровство.

Жили они там до 1956 года.